

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

РИП ВАН
ВИНКЛЬ

Вашингтон Ирвинг

Рип Ван Винкль

«Public Domain»

1819

Ирвинг В.

Рип Ван Винкль / В. Ирвинг — «Public Domain», 1819

«Всякий, кому случалось путешествовать вверх по Гудзону, помнит, конечно, Каатскильские горы. Это – дальние отроги великой семьи Апалачианов; к западу от реки гордо возносятся они ввысь, господствуя над окрестной страной. С каждой новой порой года, с каждой переменной погоды, даже с каждым часом дня преобразаются волшебные краски и очертания этих гор, и у всех добрых хозяек, ближних и дальних, слывут они безупречным барометром...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Вашингтон Ирвинг

Рип Ван Винкль

Всякий, кому случалось путешествовать вверх по Гудзону, помнит, конечно, Каатскильские горы. Это – дальние отроги великой семьи Апалачианов; к западу от реки гордо возносятся они ввысь, господствуя над окрестной страной. С каждой новой порой года, с каждой переменной погоды, даже с каждым часом дня преобразаются волшебные краски и очертания этих гор, и у всех добрых хозяек, ближних и дальних, слывут они безупречным барометром. Когда погода ясна и устойчива, они одеты в синеву и пурпур, и смелые контуры их четко вырисовываются на ясном вечернем небе; но порой, когда все кругом безоблачно, они стягивают вокруг своих вершин капюшон серой дымки, и в последних лучах заходящего солнца он пылает и светится, как венец славы.

У подножия этих волшебных гор путешественнику, быть может, случалось видеть легкий дымок, вьющийся над деревней, гонтовые крыши которой блестят среди деревьев как раз в том месте, где синева предгорий сменяется яркой зеленью ближних лесов.

Это старинная деревушка, основанная колонистами-голландцами в давние времена, в самом начале правления доброго Питера Стьюивезента¹ (да покоится прах его в мире!), и еще не так давно стояло тут несколько домиков первых поселенцев, домиков, сложенных из маленьких желтых кирпичей, привезенных из Голландии, с решетчатыми окнами и флюгерными петушками на гребнях крыш.

В этой-то деревушке, в одном из этих самых домов (который, правду сказать, порядком пострадал от времени и непогоды), жил много лет назад, когда край этот был еще провинцией Великобритании, простой и добрый малый по имени Рип Ван Винкль. Он был потомком тех Ван Винклей, что отличались такой доблестью в героические времена Питера Стьюивезента и сопутствовали ему в дни осады форта Христины². От воинственного характера своих предков унаследовал он, однако, немного. Я сказал, что это был простой и добрый человек; сверх того, он был хороший сосед и послушный, многострадальный муж. Выть может, именно последнему обстоятельству он был обязан той кротостью духа, которая снискала ему всеобщую любовь; потому что «окладистей и услужливей всего бывают те мужчины, которые дома привыкли слушаться сварливых жен. Их нрав, без сомнения, становится гибким и податливым в жарком горниле домашних невзгод, и наставления супруги лучше всех проповедей на свете воспитывают добродетели послушания и терпения. Поэтому сварливую жену можно считать в некотором отношении за благо, а если так, то Рип Ван Винкль был одарен этим благом в избытке.

Одно можно сказать – он был любимцем всех хозяйшек деревни, которые, по обычаю женского пола, держали его сторону во всех семейных передрягах и, обсуждая эти дела в своих вечерних сплетнях, никогда не упускали случая взвалить всю вину на госпожу Ван Винкль. Деревенские ребятишки тоже неизменно встречали его радостными криками. Он участвовал в их играх, мастерил им игрушки, учил их запускать змей и играть в камешки и рассказывал им длинные сказки про духов, про ведьм и про индейцев. Когда бы ни брел он по деревне, его окружала ватага ребят; они хватили его за полы, карабкались ему на спину, безнаказанно проделывали с ним тысячи шуток, и не было такой собаки в округе, которой вздумалось бы на него залаять.

Большим недостатком в характере Рипа было его неодолимое отвращение ко всякого рода полезной работе. Не то, чтобы ему недоставало усидчивости и терпения. Сидел же он на

¹ Питер Стьюивезент управлял голландской колонией в Америке с 1647 года по 1664 год; в 1664 году Голландия уступила эту колонию Англии.

² Форт Христины был шведской крепостью; голландцы овладели ею после осады, под командованием Питера Стьюивезента. Форт Христины был расположен неподалеку от того места, где сейчас стоит Филадельфия.

мокром камне с удочкой, длинной и тяжелой, как татарская пика, и удил рыбу весь день-деньской безропотно, хотя бы у него и не клюнуло ни разу! Он часами таскал на плече ружье, бродя по лесам и болотам, по горам и долам, чтобы подстрелить двух-трех белок или диких голубей. Никогда не отказывался он пособить соседу даже в самой тяжелой работе и был первым человеком, когда народ всей деревней собирался лущить кукурузу или класть каменные заборы; и соседки постоянно обращались к нему со всякими поручениями, с мелкими делами, которых не стали бы делать их менее сговорчивые мужья. Короче говоря, Рип готов был взяться за чье угодно дело, лишь бы не за свое собственное; исполнять же обязанности отца семейства и держать в порядке свою ферму он никак не мог.

Он уверял, что со своей фермой ему и возиться не стоит – это самый незадачливый клочок земли во всей округе, все там не ладится и не будет ладиться, что он ни делай. Заборы у него то и дело разваливались; корова то уходила в лес, то сворачивала в капусту; бурьян, конечно, рос у него на поле быстрее, чем где бы то ни было; дождь всегда норовил хлынуть как раз в ту минуту, когда он должен был взяться за какую-нибудь работу на дворе. И хотя отцовское имение все уменьшалось да уменьшалось в его руках, пока не осталась от него одна только полоска кукурузы да картофеля» все же нигде по соседству не было хуже обработанной фермы.

И дети его бегали оборванные и одичавшие, как будто росли без родителей. Сын его Рип был похож на отца; можно было ожидать, что он унаследует отцовские привычки вместе с его старым платьем. Обычно он бегал, как жеребенок, за матерью, наряженный в старые отцовские панталоны, которые с великим трудом придерживал одной рукой, как знатная дама придерживает шлейф в дурную погоду.

Несмотря на это, Рип Ван Винкль был одним из тех счастливых смертных, легкомысленных и беспечных по натуре, которые живут в свое удовольствие, едят свой хлеб – белый или черный, какой придется, лишь бы он доставался без пруда и заботы, и готовы скорее лениться и голодать, чем работать и жить в достатке. Будь он один, он всю свою жизнь посвистывал бы, в кулак и был бы как нельзя более доволен; но жена его непрерывно жужжала ему в уши, что он ленив, что он беззаботен, что он погубит всю свою семью. Утром, днем и ночью язык ее работал, не переставая, и что бы Рип ни сказал и что бы он ни сделал – это мгновенно вызывало поток супружеского красноречия. У него был один только способ отвечать на все проповеди этого рода, и способ этот, вследствие частого употребления, вошел у него в привычку. Он пожимал плечами, покачивал головой, закатывал глаза, но не произносил ни звука. Это, однако, всегда вызывало новый взрыв ярости, так что он поневоле переходил в отступление и спасался из дому бегством – единственное, что остается делать мужу, который попал к жене под башмак.

Среди домашних единственным приверженцем Рипа был его пес Волк, которому доставалось не меньше, чем хозяину, ибо госпожа Ван Винкль обоих считала лентяями и даже подозревала, что именно Волк сбивает хозяина с толку. Сказать правду, по всем статьям, какие полагается иметь порядочному псу, Волк был не хуже и не трусливее других животных, которые рыщут по лесам. Но какая храбрость устоит против вечных придинок женского языка? Как только Волк входил в дом, его загривок опадал, хвост опускался к земле или сворачивался между ног; пес крался с виноватым видом, то и дело поглядывая искоса на госпожу Ван Винкль, и при первом взмахе метлы или чумички с визгом кидался к двери.

С годами семейная жизнь Рипа Ван Винкля становилась все тяжелее: жесткий нрав с возрастом не становится мягче, а острый язык – единственный из режущих инструментов, который от постоянного употребления делается острее. Долгое время Рип, будучи выгнан из дому, находил утешение в том, что посещал некоторое подобие постоянного клуба мудрецов, философов и прочих деревенских лентяев; клуб этот заседал на скамье перед кабачком, вывеской

кoемy служил красно-бурый портрет его величества Георга III³. Тут просиживали они в холодке весь долгий и праздный летний день, без всякого оживления толкуя о деревенских делах или сонно рассказывая бесконечные дремотные истории ни о чем. Однако, иной государственный деятель заплатил бы немалые деньги, чтобы послушать глубокомысленные споры, возникавшие порой, если случайно, через какого-нибудь прохожего, попадала в их руки старая газета. Как важно прислушивались они к ее содержанию, которое не спеша прочитывал им школьный учитель Деррик Ван Боммель – такой дока, что ему нипочем было самое что ни на есть длинное слово во всем словаре, – и как мудро обсуждали они события через несколько месяцев после того, как они совершились!

³ Георг III (1760-1820) – английский король.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.